

13 июля 1980 года ✦ № 134 (11079)

В ДОМЕ ЧЕХОВА

С ялтинским домом А. П. Чехова связано много человеческих судеб и воспоминаний о тех, кто в нем жил в разные годы.

С 1926 по 1936 год в качестве научного сотрудника здесь трудился и жил брат писателя — Михаил Павлович Чехов. Здесь им были написаны книги «Антон Чехов и его сюжеты», «Антон Чехов, театр, актеры и Татьяна Репина», «Антон Чехов на каникулах», каталог по Дому-музею и, наконец, книга «Вокруг Чехова», выдержавшая несколько изданий.

Продолжает работу отца в этом направлении Евгения Михайловна Чехова, живущая ныне в Москве. Несколько ее очерков опубликовано в журнале «Наука и жизнь», в сборниках «Чеховские чтения в Ялте». Так постепенно сложилась книга «Воспоминания».

Мы попросили Евгению Михайловну прислать для читателей нашей газеты отрывок из этой книги, который мы и публикуем.

В НАЧАЛЕ июля большой белый пароход причаливал к Ялтинскому молу. Мы приехали из Петербурга в гости к тете Маше и бабушке Евгении Яковлевне. Мы — это мой отец, Михаил Павлович Чехов, мама, маленький трехлетний братишка и я, которой в ту пору минуло шесть лет. Пароход вплотную подошел к молу, толчок, и начинается швартовка. Я вижу, как с берега кто-то машет белой соломенной шляпой и что-то кричит. Это дядя Жорж, Георгий Митрофанович Чехов, двоюродный брат отца, гостивший минувшей зимой у нас в Петербурге. Винт парохода перестал стучать. Среди внезапно наступившей тишины я слышу голос дяди Жоржа:

— Несчастье!
— Какой?! — испуганно кричит отец.
— Антоша скончался!

Мы сходим с парохода, садимся в четырехместный парусный экипаж с белой парусиновой крышей-зонтиком и поднимаемся в Аутку. Глядя на потрясенные лица взрослых, притихли и мы, дети.

Входим во двор, поднимаемся на стеклянную террасу. Мария Павловна на Кавказе и уже знает о беде, но бабушке — Евгении Яковлевне — еще не сказали, и все боится за нее. Скрыть невозможно, потому что все взрослые должны уехать в Москву на похороны. Наконец, кто-то решает... и я вижу бабушку, горько рыдающую из ступенчатых лестницы, против двери в кабинет Антона Павловича. Она спускалась вниз из комнаты Марии Павловны и, где стояла, там и села, сраженная страшной вестью.

Через несколько дней взрослые возвращаются из Москвы. Вместе с ними Ольга Леонардовна. Я на цыпочках вхожу в кабинет дяди Антона. Меня привлекает таинственная тишина, цветные стекла в огромном окне, камины с картинкой, какой-то неуловимый аромат. Ольга Леонардовна в черном платье с высоким воротом полужелтит в глубоком кресле около письменного стола. Глаза закрыты, в руке зажат белый платочек...

Я, шестилетняя девочка, сама того не подозревая, была случайной свидетельницей одного из величайших человеческих переживаний. Как все маленькие дети, я не понимала тогда значения слов «смерть», «умер». Находясь постоянно рядом с отцом, нежно любившим старшего брата, я слушала его

рассказы о детстве дяди Антона, о его выдумках и шутках, о его школьных годах. И казалось, что он не умер, а просто живет где-то очень далеко, и мы с ним давно не виделись.

Можно без преувеличения сказать, что в эти тяжелые, еще непостижимые моему детскому сознанию дни, я присутствовала при рождении Дома-музея А. П. Чехова. Именно тогда возникла у Марии Павловны мысль сохранить в неприкосновенности комнаты и обстановку, среди которой жил любимый брат, замечательный русский писатель Чехов.

Сначала то были только кабинет и спальня. В остальных же комнатах жизнь текла своим порядком. Евгения Яковлевна жила в своей комнате, Мария Павловна — у себя наверху, в мезонине. Обедали в столовой, пили чай на стеклянной галерее. В нижнем цокольном этаже гостили летом родные: Ольга Леонардовна, брат Иван Павлович с женой и сыном Володей, наша семья, приезжали знакомые из Москвы и Петербурга. За большим столом в столовой часто едва хватало места.

В последний раз вся чеховская семья собралась в ялтинском доме летом 1917 года.

Мария Павловна запомнилась мне стройной, всегда подтянутой, элегантной. Она обладала безупречным вкусом. От нее веяло изяществом. Одевалась всегда безукоризненно, премиущественно в серые, коричневые, лиловые тона. Никогда не носила ничего яркого, крикливого. Голос негромкий. Когда она впоследствии проводила экскурсии по Дому-музею, ей приходилось сильно его напирать.

Она понимала тонкий юмор, любила посмеяться и пошутить, сказать острое слово, дать меткое сравнение. На безымянном пальце левой руки Мария Павловна носила перстень с круглым зеленым камнем, который подарил ей художник Константин Коровин. В торжественных случаях надевала она бриллиантовый кулон. Этот кулон в виде цифры «13» преподнес ей когда-то писатель И. А. Вуний. Мой отец рассказал однажды историю происхождения этого кулона: «...Сколько вокруг нас трагедий, которых мы не замечаем! Разве не трагедия — Маша делает предложение Икс; чтобы не бросить Антона и найти благоприятный предлог для отказа, она ссылается на то, что предложение сделано 13 числа, а она суеверна и в будущее счастье поэтому не верит. Они

расходятся. Но ровно через 13 лет Икс присылает Маше бриллиантовый кулон в виде цифры 13. Так как это «тринадцать» принесло ей несчастье, ибо она так и не вышла замуж, то она несет кулон к ювелиру и велит ему переставить цифры — сделать вместо «тринадцати» — «тридцать один»; но и эта трансформация не смогла вернуть ей прошлого. И этот кулон стал походить на красивый надгробный памятник, под которым лежит навеки скончавшаяся любовь».

Свое обаяние, изящество Мария Павловна сохранила до последних дней.

После смерти Антона Павловича ялтинский дом сделался ее родным детищем. По утрам ежедневно обходила она свои владения: не повредила ли что-нибудь ночная буря, не сломаны ли деревья в саду?..

Во время гражданской войны, когда страна была истощена голодом, разрухой, интервенцией, Мария Павловна осталась в доме с больной матерью, и только ухаживавшая за Евгенией Яковлевной Пелагея Павловна Дисса да добрый с женой помогали ей, чем могли. Дом настоятельно требовал ремонта, дороговизна жизни была неизменной, а средств у Марии Павловны не было. Дни ее проходили в волнении и в ожидании связи с Москвой, с родными.

Первые сведения, которые мы получили о Марии Павловне после Великой Октябрьской революции, относятся к 1922 году. Гражданская война, построенный транспорт, почти полное отсутствие почтовой связи разделили нас на несколько лет. Писем от нее не было, и наши до нее не доходили. За эти годы Мария Павловна скоронила мать, умер в Москве Иван Павлович, застрелился его сын Володя. Из всей когда-то большой семьи «старших» Чеховых остались только Мария и Михаил. Весной 1923 года отец смог, наконец, навестить сестру.

Добравшись до Ялты, он прислал нам в Москву полное юмора описание дорожных неурядиц.

В дальнейшем отец приезжал к сестре по несколько раз в год, а с 1926 года и совсем поселился в чеховском доме.

Е. ЧЕХОВА.

На снимке: Михаил Павлович Чехов в чеховском саду.